A 31 6/64

A 31 6/64.

A XXXI 6/64

Гос. Историч. Музей. Б-ка
НКП РСФСР
Инвен. № 331218
193 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЧТ[illegible]

Чѣмъ далѣе восходитъ историкъ къ старинѣ, тѣмъ рѣже останавливается взорами на отдѣльныхъ лицахъ, и наконецъ видитъ передъ собою однѣ сплошныя массы племенъ, о нравахъ и обычаяхъ которыхъ записаны тощія извѣстія въ немногихъ строкахъ лѣтописи.

Буслаевъ.

Нѣкоторые изъ лингвистическихъ изыскателей нашихъ взялись за трудъ тяжкій, не благодарный: объяснять необъяснимое въ житьѣ-бытьѣ до-Рюриковскихъ Славянъ, не имѣя въ виду никакихъ положительныхъ данныхъ. Но вѣдь ученые догадки—не источники, а произвольныя толкованія—не доказательства. Хороша ли, достовѣрна ли будетъ Русская исторія, въ которую внесутъ множество ошибочныхъ разсужденій и ложныхъ выводовъ, построенныхъ не на историческихъ источникахъ, а на собственныхъ убѣжденіяхъ сочинителей? Исторія всякой науки есть отголосокъ непреложной истины, безпрерывный рядъ дѣйствительныхъ событій....

Говоря о дани, платимой Казарамъ Словянскими племенами, сочинитель «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» объясняетъ слово «дымъ» въ юридическомъ отношеніи. «Былъ обычай, говоритъ онъ, для наказанія или вынужденія чего—нибудь,

разламывать печь, и такимъ образомъ, дѣлать домъ не удобнымъ къ обитанію, отсюда важность печи, очага въ домѣ.» Г. Кавелинъ основательно замѣчаетъ: но отсюда ли? Кто не знаетъ, что печь, очагъ очень важны въ домѣ, хотя бы ихъ и не разламывали для наказанія или вынужденія чего—либо. За тѣмъ слѣдуютъ такія выводы: домъ и дымъ одного происхожденія; ибо означаютъ возвышеніе, нѣчто возвышающееся; отсюда и дума—мысль и душа—гордость; дума—нашъ древній государственный совѣтъ — означала верхъ. Въ этихъ филологическихъ изысканіяхъ много произвольнаго и излишняго. Объяснять слово дума—совѣтъ не прямымъ его значеніемъ странно:» (Отечествен. Записки 1851 года № 12 отдѣлъ V. стр. 95.).

По нашему мнѣнію, дымъ не стоилъ того, чтобы столь подробно распространяться о немъ. Дань съ дыма, или, что все равно, съ дома,—очевидно не требовала такихъ обильныхъ комментарій, которые бы рѣшали вопросъ окончательно, если только можетъ быть вопросъ о дымѣ. Слова лѣтописи: «имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма» выражаютъ одно простое понятіе о количествѣ дани. Вѣдь надобно же было Казарамъ, обложивъ покоренные ими племена податью, привести въ извѣстность собираемую съ нихъ дань. У насъ, на Руси, сохранилась въ устахъ народа старинная поговорка: «сколько дымовъ, столько и домовъ.» Не ясно ли, что тутъ рѣчь

идетъ о счетѣ жилищъ поселянъ. Впослѣдствіи Вятичи обложены были по плугу съ плуга, орала. Изъ этаго явствуетъ, что повинность уже значительно увеличилась, потому что сохъ въ домахъ долженствовало находиться не одна, а нѣсколько, когда принять въ соображеніе нераздѣлимость семействъ, состоявшихъ изъ многихъ людей.

Никто, полагаемъ, не согласится съ сочинителемъ «Исторіи Россіи» и въ томъ, чтобы «домъ и дымъ одного происхожденія, ибо означаютъ нѣчто возвышающееся.» Если въ избѣ что-нибудь имѣетъ отношеніе къ дыму, то это проводники дыма,—вышка (круглое отверстіе въ стѣнѣ выше печи). Но такъ-какъ во время топки изъ вышки не можетъ выдти вся масса дыма, растилающагося ниже устьевъ печи, то и поднимаютъ часть рамы въ волоковыхъ окошкахъ и даже отворяютъ дверь (1). Посредствомъ этого-то процесса выходитъ дымъ изъ избы. Отсюда выраженіе простолюдинъ: «дымъ коромысломъ» значитъ: когда дымъ, достигнувъ вышки, окошекъ и двери, потянется

(1) Трубъ въ курныхъ избахъ никогда не было и нѣтъ. Надобно знать, что рамы вставляются только на зиму; онѣ замѣняются досками, врѣзанными въ стѣну, которыми посредствомъ пазовъ задвигаются на ночь окошки,—и потому—то эти окошки и называются волоковыми.

вонъ изъ избы, то прямая линія нижняго его слоя измѣняется въ кривую линію. Вотъ, что значитъ, въ прямомъ смыслѣ; дымъ коромысломъ. Послѣ веселой оргіи, на которой пировавшіе производили шумъ, говорится: «былъ дымъ коромысломъ.» Все это дѣйствительно даетъ понятіе о движеніи, пожалуй, и о возвышенности. Но слово домъ выражаетъ совсѣмъ противоположную идею, — идею о неподвижности. Самое построеніе дома сопряжено съ трудомъ, медленностію. Домъ означаетъ кровъ, оседлость, убѣжище, мѣсто успокоенія. Отсюда домосѣдъ, домовой, домовище.

«Не смотря на то,» говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ,» что отъ слова дымъ въ областномъ Русскомъ языкѣ употребляется дымница въ значеніи деревни; не смотря на то, что самое слово дымъ значитъ иногда очагъ, домъ, жилище, наприм. въ Губерн. Влад., Рязан., Ворон.,—все таки въ языкѣ Русскомъ оно существенно отличается отъ слова домъ, между прочимъ особенно тѣмъ, что простой народъ не любитъ употреблять слово домъ въ значеніи жилья; въ иныхъ областяхъ мужикъ не скажетъ: «иду домой» или «пошелъ домой,» а говоритъ: «иду ко двору, пошелъ ко дворамъ.» Эта странность объясняется тѣмъ, что съ выраженіемъ «идти домой» нѣкоторыя нарѣчія соединяютъ понятіе о смерти (2). Потому

(2) Этнографич. замѣтки Фонъ-Крамера въ Воронежск. Вѣдом. номер. 29.

домъ, домовище, домовина, употребляются въ значеніи гроба. Отсюда понятно, что въ словѣ домовой соединяются представленія домашняго пената и жителя того свѣта. И такъ слово дымъ употребляется вмѣсто дома не въ слѣдствіе ихъ родства, а различія.»

Печь и очагъ опять не одно и тоже. Очагъ—современенъ началу огня. Онъ состоялъ изъ дикихъ камней и помѣщался посрединѣ избы въ избѣжаніе несчастныхъ случаевъ отъ пожара, что и нынче можно видѣть въ жилищахъ нашихъ Лотышей. На этой-то грудѣ камней разводили огонь, готовили пищу, а такъ какъ вся эта масса сохраняла надолго теплоту, то она и нагрѣвала избу.

Но печь—дѣло совсѣмъ другое. Исторія первыхъ печей на Руси должна быть весьма невесела, покрайнѣй мѣрѣ, она не веселѣе сказанія о дымѣ..... Если изслѣдователи позволяютъ себѣ соображать, представлять, догадываться, то и у насъ никто не отнялъ этого права, впрочемъ, совершенно лишняго, когда дѣло касается Исторіи. Изслѣдователи не говорятъ, изъ чего состояла печь, и когда именно явилась она на Руси. Они помимо Исторіи доказываютъ свои глубокія убѣжденія. Съ позволенія сказать, никто не знаетъ объ этомъ предметѣ ничего обстоятельнаго, потому что нѣтъ никакихъ извѣстій о до-

Рюриковскихъ печахъ. А Новгородскія бани, а истопки Древлянъ, о которыхъ говоритъ Несторъ, возразятъ противники нашего мнѣнія. Знаемъ, что «О банномъ строеніи» долго — долго толковали въ Вѣстникѣ Европы; но до-Рюриковскія печи еще любопытнѣе, занимательнѣе. У дикарей, какими были Поляне, Древляне, Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, данники Кагановъ,—едва ли существовали печи. Да они, находясь подъ вліяніемъ 25° мороза, всѣ бы застыли безъ печей, замѣтятъ намъ нѣкоторые. Отвѣчаемъ: видно не застыли, когда, напримѣръ, имя Вятичей исчезаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ съ нашествіемъ Монголовъ; когда, если вѣрить «Исторіи Россіи,» загородные дворы Князей состояли изъ однихъ холодныхъ покоевъ!!! Этого мало. Развѣ вѣчно-кочующіе наши Колмыки, Киргизы, бродячіе Сибирскіе инородцы, а также и Русскіе Цыганы имѣютъ печи въ своихъ кибиткахъ, юртахъ, шатрахъ, и даже парусинныхъ палаткахъ, въ которыхъ они живутъ круглый годъ? Но ни вамъ, читатель, ни намъ не удавалось слышать, чтобы наши кочевники и бродячія племена замерзали въ своихъ холодныхъ жилищахъ и въ своихъ теплыхъ тулупахъ, которые извѣстны были и языческимъ Словянамъ. Пожалуй, пусть земство разломаетъ въ ихъ кибиткахъ, юртахъ и шатрахъ печи, которыхъ тамъ никогда не было и нѣтъ—удобны ли они будутъ къ обитанію?... Какъ нельзя лучше! Такъ, что же нагрѣваетъ жилища

нашихъ номадовъ? спросятъ любопытные. Отвѣчаемъ: костеръ, надъ которымъ помѣщается таганъ.

Наши ученые изслѣдователи представляютъ себѣ печь въ началѣ IX вѣка точно такою же, какая находится въ современной намъ избѣ. Но это только ученая иллюзія. Въ глубокой древности, когда Славянскія племена не успѣли еще всѣ обрусѣть (и въ половинѣ XII вѣка Русью называлась одна Кіевская область), то печей, должно полагать, не умѣли дѣлать. До-Рюриковскіе Словяне, (просимъ извинить нашу откровенность), были отнюдь не искуснѣе, не опрятнѣе и не бѣлѣе закоптѣлыхъ и некрасивыхъ Чукчей, или Лѣшей Лопи (лѣсныхъ Финновъ), а въ отношеніи жилищъ, то до-Рюриковскіе Словяне, вмѣсто шатровъ, въ которыхъ живутъ оленные Чукчи, имѣли избы, срубленныя изъ деревъ, потому что они обитали въ дремучихъ лѣсахъ. Какія же могли быть печи у дикарей, которымъ не отъ кого было получить о нихъ ни малѣйшаго понятія и никакого свѣдѣнія. Намъ, можетъ быть, скажутъ, что Древляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи легко могли заимствовать нѣкоторыя улучшенія въ домашнемъ быту отъ Полянъ, которые въ свою очередь могли узнать много новаго отъ образованныхъ Казаръ.—Но Древляне были непримиримые враги Полянъ, Сѣверяне и Радимичи не вѣдали даже и о существованія своихъ побѣдителей до вре-

менъ Олега (885 г.),—Вятичи начали враждовать съ Полянами въ княженіе Святослава, а до тѣхъ поръ они не знали ихъ. Разумѣется, скорѣе всего Казары могли бы сообщить упомянутымъ племенамъ объ удобствахъ жизни, но алчные Каганы заботились только о дани, собираемой ими съ завоеванныхъ народовъ, а до другихъ предметовъ какое было дѣло побѣдителямъ? Предупреждаемъ тѣхъ, которымъ угодно будетъ напомнить намъ о Новгородской области, столь славной въ древности. Хотя она и не соприкасалась къ области Вятичей, но посредствомъ воднаго сообщенія Тверцы съ владѣніями Голядей, граничившихъ съ Вятичами, могла сообщать всѣ интересы своей образованности Словянскимъ племенамъ. Спрашивается: когда же это могло быть? Въ началѣ IX вѣка? Невѣроятно. Не ранѣе XI столѣтія (1069 г.) лѣтописи указываютъ на сопредѣльныя княжества съ Новгородскою областью; а постоянныя сношенія Кіевскихъ государей съ Великимъ Новгородомъ не имѣли никакого вліянія на развитіе быта лѣсныхъ обитателей, которые коснѣли въ грубомъ невѣжествѣ до временъ позднѣйшихъ.

Устройство печей проявляетъ уже начало цивилизаціи и относится, можетъ статься, ко времени построенія городовъ Олегомъ. И печь складывалась изъ камней, которые, разумѣется, смазивались глиною.

Кирпичи существовали и въ XI вѣкѣ, но ихъ не умѣли дѣлать такъ, какъ дѣлали въ XV столѣтіи, и потому каменныя церкви часто разрушались. Кирпичи въ нынѣшней ихъ формѣ и прочности, если вѣрить лѣтописцу Русскому (III. 45.), начали бить въ нашемъ отечествѣ въ исходѣ XV вѣка, (Соф. врем. подъ 1471 г.), а научилъ насъ дѣлать кирпичи и обжигать ихъ Амуроль Аристотель Болонскій, какъ называетъ этого Архитектора профессоръ Успенскій въ своемъ «Опытѣ повѣствованія о Древностяхъ Русскихъ,» (часть 1 стр. 29). Конечно, такому авторитету не повѣрятъ люди болѣе нежели грамотные. Они знаютъ, что еще въ XI вѣкѣ у насъ, на Руси, были созидаемы и каменныя церкви, напримѣръ, храмъ Ст. Софіи (1017—1037. г.); но много ли существовало ихъ? Замѣтимъ, кстати, что въ 1152 году церковь Св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ выстроена не изъ кирпичей, а изъ брусчатаго крупнаго известковаго камня; а въ 1398 году соборъ въ селѣ Микулино-Городище (3) складенъ изъ крупнаго, хорошо обожженнаго кирпича. Вообще каменныхъ зданій не было въ городахъ, даже самыя крѣпости сооружались деревянныя. Маржеретъ говоритъ, что «въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянныя, исключая Москвы, Смоленска, Ивань-Города или Нарвы, Тулы, Коломны, Астрахани, Ка-

(3) Тверской губерніи Старицкаго уѣзда.

зани и Путивля (стр. 34.) Сочинитель забылъ Новгородъ и Псковъ.

Мы желали сказать, что печь, какая бы она ни была, и очагъ, каковъ бы онъ ни былъ, не одно и тоже. Очагъ существовалъ въ избѣ прежде печи, которая впослѣдствіи замѣнила очагъ и заняла уже болѣе удобное мѣсто въ одномъ изъ угловъ избы.

Теперь нѣсколько словъ о Словянахъ, которые по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказываются обожателями избы, печи и очага, то есть, Словянами - огнепоклонниками.

«Критикъ Москвитянина,—пишетъ критикъ Отечест. Записокъ,—отрицаетъ обожаніе язычниками очага, хотя этотъ фактъ и подтверждается начальною исторіею различныхъ народовъ. Я не хочу (говоритъ онъ) и не буду оспоривать обожанія избы и печи.... Нелегко доказать, что Словяне обожали печь и очагъ.... Гдѣ же мы видимъ или слышимъ (продолжаетъ г. Плаксинъ), чтобъ Русскій человѣкъ клялся печью или избою?» Вмѣсто клятвъ приведемъ для васъ старинныя пословицы, съ которыми трудно будетъ спорить. У насъ существуетъ пословица: «на печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился;» у Сербовъ: «кто не видалъ церкви (или алтаря), тотъ

и печи молится» (Отечест. Записки 1851 г. N 1. отд. V. стр. 48).

Мы совершенно далеки отъ того, чтобы спорить безъ доказательствъ. Не навязываемъ и мнѣнія своего тѣмъ, которые не хотятъ ничего знать, кромѣ собственнаго мнѣнія. Дѣло идетъ о г. Плаксинѣ, изъявившемъ сильное сомнѣніе въ существованіи на Руси какихъ-то обожателей избы, печи и очага, о которыхъ ни лѣтописецъ нашъ Несторъ, ни его продолжатели нигдѣ не упоминаютъ. Онъ видитъ въ новой догадкѣ одно только желаніе приписать языческимъ Словянамъ такое вѣрованіе, котораго они отнюдь за собой не подозрѣвали, но не видитъ тому ясныхъ доводовъ. «Нелегко доказать,» говоритъ онъ, «что Словяне обожали печи и очагъ.» Вотъ вся литературная его вина, если можно обвинять тѣхъ писателей, которые не раздѣляютъ съ нами задушевныхъ нашихъ убѣжденій.

Историческое зерно, говоря метафорически, недавно найденное трудолюбивою ученостію въ грудѣ историческихъ матеріаловъ, подало поводъ къ догадкѣ о существованіи обожателей избы, печи и очага и, слѣдовательно, доказывать, что на Руси, въ глубокой древности, были таковые обожатели. Однако это историческое зерно не только не успѣло пустить молодыхъ отъ себя побѣговъ, но не имѣетъ ещ

и роста. Какъ же вы хотите, чтобы опытные литературные садовники тотчасъ обрадовались находкѣ, ухватились за нее какъ ювелиръ за драгоцѣнный камень. Можетъ быть она впослѣдствіи окажется ни къ чему неслужащею. Кто за это поручится? Никто. Развѣ прежде подобныя сѣмена оправдывали надежды сѣятелей, оплодотворяли нивы историческія? Признаемся: далеко не оправдывали, далеко не оплодотворяли. Находки оказывались по большой части пустымъ хламомъ, ничтожностію. Спора нѣтъ, что подвиги нашихъ сѣятелей неутомимы, но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ, не отдѣляя чистаго сѣмени отъ плевелъ, сѣяли себѣ все, что попадалось подъ руку. Такъ подождемъ, посмотримъ, принесетъ ли какой-либо плодъ упомянутое историческое зернышко. Гнѣваться пока рано....

Пословица, предложенная г. Плаксину въ видѣ факта критикомъ Отечест. Записокъ, по складу рѣчи и грамматической формѣ, принадлежитъ не древнѣйшей эпохѣ, а позднѣйшему времени. Сверхъ того смыслъ ея совсѣмъ не относится къ обожанію какого-либо предмета, тѣмъ менѣе къ религіозному вѣрованію языческихъ Словянъ. Выраженіе: «кирпичамъ молился» принимаютъ въ буквальномъ смыслѣ, и потому даютъ важное значеніе этой пословицѣ; между-тѣмъ какъ не обращаютъ вниманія на глаголы: «сидѣлъ и мо-

лился,» которые обнаруживаютъ настоящее ея содержаніе: — колкую насмѣшку, неподдѣльный юморъ простолюдиновъ нашихъ, мѣтко и ловко направленный въ цѣль.

Надобно знать, что большая часть поселянъ не имѣетъ бань; они парятся въ печахъ, которыхъ своды нарочно дѣлаются для этого выше обыкновенныхъ сводовъ. Это самый древнѣйшій обычай омовенія. Простолюдины, говоря о нѣкоторыхъ вещахъ, называютъ ихъ банными, т. е. нечистыми. Какимъ же образомъ послѣ этого эпитета допустить мысль, чтобы Словяне обожали печь, въ которой мылись, парились? Странно, какъ вамъ угодно—странно. Русскій народъ издревле былъ народомъ набожнымъ, постояннымъ чтителемъ святыни, и потому малѣйшее уклоненіе отъ благочестія навлекало на виновнаго презрѣніе. И вотъ онъ, Русскій народъ, терпѣливый, скромный до времени, высказалъ въ пословицѣ горячее свое негодованіе къ тѣмъ, которые лѣнились, рѣдко ходили въ церкви, составляющія изъ-поконъ-вѣка предметъ глубочайшаго его благоговѣнія. Сербская пословица нѣсколько это разъясняетъ: «Кто не видалъ церкви, тотъ и печи молится.» Относительно нашей доморощенной пословицы: «на печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился,» то въ ней скрывается смыслъ тонкой иронiи,

насмѣшливой укоризны, падающей всею своею тяжестію единственно на неисполнителей христіанскихъ обязанностей.

1851 года.

Село Торхово.

Н. Андреевъ.

(Изъ № 1 и 2 Тульскихъ Губ. Вѣд. 1853 г.)

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
„ “ 193 г.

A. K. 7/8

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

оргүр 200709-6
с.1-14
23.07.09